

ВЛАДИМИР ЛОРЧЕНКОВ

ТАМ ГОРОД ЗОЛОТОЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
Л78

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Лорченков, В.

Л78 Там город золотой. Том первый. — М.: Тотенбург, 2023. — 476 с.

Тетралогия «Там город золотой», история «молдавского Ма-кондо» — самое известное произведение русского писателя Владимира Лорченкова, — включает в себя четыре романа, написанных с 2001 по 2015 годы. Вы держите в руках первый том. «Хора на выбывание», получившая в 2003 году премию «Дебют» за лучший литературный дебют на русском языке в мире, основана на событиях первого майда-на в СНГ (Молдавия, 2000–2001 гг.), который В. Лорченков освещал как корреспондент местных СМИ. Вторая часть тетралогии, «Последняя любовь лейтенанта Петреску», рассказывает о приключениях бен Ладена спасшегося в богом забытой стране, Молдавии (переведе-на и издана во Франции, США, Румынии) и поисках рая на земле. В России публикуется впервые.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

© Владимир Лорченков

© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ.	
ХОРА НА ВЫБЫВАНИЕ	5
КНИГА ВТОРАЯ.	
ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ	
ЛЕЙТЕНАНТА ПЕТРЕСКУ	163
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МОЛДАВИИ	
(ПРОЗА В СТИХАХ)	357

Познакомьтесь с переводами книг Люсьена Рёбате, Пьера Дриё Ла Рошеля и других французских писателей, поддержать работу над этими переводами можно, подписавшись на Буст и Патреон переводчика. Также на Ютуб-канале Владимира Лорченкова вы можете посмотреть цикл лекций о французских писателях Люсьене Рёбате, Пьере-Антуане Кусто, Шарле Моррасе, Робере Бразильяке, Поле Моране, Пьере Дриё Ла Рошеле, Луи Фердинанде Селине и др.

Владимир Лорченков —
эксклюзивный контент
на Boosty

Patreon

Серия лекций-стримов
о «правой» литературе
Франции — YouTube

КНИГА ПЕРВАЯ

ХОРА НА ВЫБЫВАНІЕ

ОТ АВТОРА

Зимой и весной 2002 года Молдавию потряс первый в истории СНГ “майдан” — акции протеста, организованные вечно оппозиционной маргинальной Христианско-демократической Народной Партией.

Агрессивное меньшинство, — несколько тысяч студентов и национал-радикалов, — разбили палаточный городок в центре города, перекрыв улицы. Они требовали отставки президента, правительства и парламента и присоединения Молдавии к Румынии. Они протестовали против введения курса русского языка в молдавских школах и против «русификации» страны. Все это вы могли прочесть в газетах. Ничего не добившись, они свернули палаточный городок через полгода и ушли. Молдавия так и не поняла, что же произошло на самом деле. Данная книга написана специальным корреспондентом СМИ, который освещал эти акции, и представляет собой авторскую интерпретацию произошедших событий, личную трактовку годового противостояния власти и оппозиции, полугодового раскола молдавского общества. Все совпадения имён и событий неслучайны.

* * *

Облака масляно таяли за холмом, который из-за расчертивших его садов и огородов похож был на лоскутное одеяло. Юрий сунул ноги в холодную воду Днестра. Во рту у него торчала сигара, купленная в табачном киоске «Ветеран». Этими киосками Кишинев был тогда осыпан, как кожа больного — зудящей сыпью. Принадлежали они единственной табачной фабрике Молдавии, а те, — и фабрика и Молдавия, — были во владении коммунистов.

Когда-то, перед очередными местными выборами, Юрий даже велел наклеивать на столбы плакаты с надписью «Горожанин! Коммунистический Ветеран — раковая

опухоль нашего города!». Надпись он придумал сам и был очень ею доволен.

— Двойной смысл, подтекст, понимаешь? — говорил он помощнику, глядя из окна офиса своей партии на дом напротив, где жил солист группы «Здоб ши здуб». — «Ветеран» — название киосков коммунистической мафии и «ветеран» — как намек на возраст коммунистического электората. Бум! Чем я не политтехнолог?!

После этого Юрий, довольный, хохотал, а помощник, улыбнувшись, прибавлял громкости радиоточке, транслировавшей государственное радио Румынии. Помощник уже привык обыкновению босса отпускать плоские шутки, — он пускает их в пространство, как плоскую гальку по волнам моей памяти, — и самому же смеяться над ними, словно в опаске, что юмор его не оценят.

Юрий вспомнил об этом и улынулся. Сигара из киоска «Ветеран», — семь лей за штуку, — поплыла вниз, к плотине. За ней жадно потянулись одуроченные мальки.

— Ботва! Вот вы кто, — сказал им мускулистый Юрий, и потянулся, стоя на валуне.

* * *

Здесь, в элитном санатории «Маловата» на правом берегу Днестра, Юрий отдыхал на правах председателя парламентской фракции Молдавии. Юрия это тем более радовало, что никакой Молдавии его партия не признавала, ратуя за объединение страны с Румынией. А в перспективе — за полную европейскую интеграцию. Получалось, что отпуск ему оплачивало государство — враг.

Где-то за спиной у него раздался звон колокольчиков. Чуть позже появилось и стадо. Коровы, со спекшимися от жары шкурами, заходили в воду по самое брюхо. Некоторые косились на молодого еще, лет тридцати пяти, загорелого красавца с аккуратной бородкой, стоящего на большом камне, поваленном в воду, но близко не подходили. Юрий, прикрыв глаза, вяло подумал, что не зря

коров в индии обожествляют, — у этих животных врожденное чувство такта. Один телок, — видно, еще невоспитанный, — все-таки подошел. Юрий понял это, услышав совсем вблизи сопение, открыл глаза, и ласково хлопал телка по морде.

— Я приведу тебя в Европу, паскуда, — сказал он. — Только вот что мы с тобой там делать будем?

И почувствовал, как в крови его заиграло безудержное веселье. К таким резким сменам настроения в себе Юрий давно привык, — как всякий молдаванин, он был человеком экспансивным. Это проявлялось во всем, но большим образом, — в той затяжной политической борьбе, которую Юрий последовательно вел против всех президентов страны, парламентов (хоть сам в них и состоял), кабинетов министров и общественного мнения.

Даже против себя: потому что прекрасно понимал — случись, не дай Бог, объединение с Румынией, там ему места не будет.

Спонсоры не раз упрекали Юрия в непоследовательности, советовали работать кропотливо, тщательно и неброско: принимать нужные законы, продвигать в правительстве своих людей (саботаж, разумеется, но во благо в конечном счете, понимаете?).

Но Юрий, словно ведомый великими противоречивыми силами, то затихал на год — полтора, глядя на мир в оцепенении, то, словно выпив стакан огня, кружил вихрь акций, манифестаций, шумных митингов и бешеных драк. Сейчас, — стоя на валуне посреди игрушечной Молдавии, — он отдавал себе отчет в том, что находится на стыке таких состояний. Внутри у него будто оборвалось. Словно шагнул с вышки в десятиметровую пустоту над хлорированной водой бассейна. Словно руку уже порезал, края раны разошлись, а кровь еще не потекла.

Юрий простер руку, и заговорил:

— Взгляни на меня, румынский народ! Да, румынский, потому что право называть себя теми, кто мы есть, мы, бессарабские румыны, выстрадали депортациями,

голодом, оккупацией... Снова мы во власти красных дьяволов! Коммунисты у власти! Мир будто ослеп!

Коровы смотрели на него с недоумением.

Пастух, набивший трубку, сел под ивой, искоса глянув на сумасшедшего, разговаривающего со стадом, покурил, и улегся спать. Ведь все пастухи тоже немного сумасшедшие.

Юрий репетировал выступление на митинге до тех пор, пока солнце не утонуло в Днестре. Наутро пастухи вытащили его баграми, и, обсушив, отпустили с Богом. Так в Молдавии начался новый день.

* * *

— Молчишь, — спросил президент Энгельса, и, не дождавшись ответа, чокнулся с Марксом. Тот, в отличие от Энгельса, глядел одобрительно.

— А как же, — поймав взгляд Маркса, — сказал президент, — Вино еще то! «Дионис», урожай 1988 года! Лучшего за последние тридцать лет не было.

В кабинет вошел советник по связям с общественностью.

— Ваше высокопревосходительство, — начал он, но президент Воронин перебил:

— Какое еще превосходительство?

— Ваше, — смутился советник, — Ваше высокопревосходительство. Официальное обращение к президенту республики Молдавия. Записано в Конституции.

Президент встал. Он сидел посреди небольшого архитектурного памятника: каменной скамейки, по краям которой скульптор установил гранитных Маркса и Энгельса. Раньше они сидели, обернувшись друг к другу, перед зданием парламента Молдавской ССР. Шутники постоянно ставили между ними бутылку водки. Тогда президент, — а в Советской Молдавии он был главой МВД, — постоянно требовал от подчиненных изловить злоумышленников.

После обретения независимости памятник перенесли в глухой парк. Президент о классиках не забыл, — и после того, как в феврале 2001 года его партия коммунистов победила на выборах в парламент, а сам он стал возглавлять государство, — велел тайком принести памятник с Марксом и Энгельсом в свой рабочий кабинет.

— Если я стал президентом страны сумасшедших, — сказал он тогда жене, — как же я могу не быть сумасшедшим?

Энгельс и Маркс в кабинете освоились. Изредка президент с ними выпивал.

— Ну, и что же тебе от нас надо, — спросил он советника, — от нашего высокопревосходительства?

— Ваше высокопревосходительство, — торопливо заговорил советник, — в ближайшие дни оппозиция намечает проведение акций протеста. В центре города. Они могут принять характер неорганизованных. По данным Совета Безопасности, лидер оппозиции, Юрий Ро...

— А то я не знаю, кто у меня лидер оппозиции, — машинально отметил президент.

— ...Юрий Рошка уже разработал ряд мер, которые повлияют на продолжительность акций. Он намерен проводить их не меньше 2–3 месяцев. Повод — включение правящей партией русского языка в программу обучения молдавских школ.

— А то я не знаю, что Рошка лучше меня говорит по-русски, — поморщился президент.

— В частности, политтехнологи Рошки...

— А то я не знаю, что у нас в Молдавии политтехнологами и не пахнет?

— В частности, так называемые политтехнологи Рошки разработали ряд ассоциативных и очень обидных прозвищ первых лиц государства. Прозвища будут повторять на митингах регулярно.

— Прозвища, — оживился Воронин, — Ну, ну, подробнее?

— Премьер-министр Тарлев, — ранее директор шоколадной фабрики, — назван

«Премьером-конфетой», «Шоколадкой», «Сладенький ты наш», «Премьер в шоколаде»,

«Ананас в шампанском», «Коричневый».

— Ананас, — смеялся президент, — ананас сладенький, ой, не могу...

— Спикер парламента Остапчук, — осторожно продолжал советник, — как вы знаете, руководила рестораном в Оргееве. Поэтому называть ее будут «Поварихой», «Буфетчицей»,

«Красным пишевиком», «Бабарихой»...

— Пишевик, — взвизгивал президент, — ой, пишевик...

Он уже лежал у рабочего стола и перебирал пальцами паркет. Президент был смешлив. Его высокопревосходительство ржали.

— Наконец, — вздохнул советник, и быстро договорил, — вас, мой президент, называть будут не иначе, как ворона.

Президент стих. Встал, отряхнул пиджак и сказал:

— А вот это уже не смешно. Нет, нет, совсем не смешно. Мне нужно подумать. Ступайте.

* * *

Бороду Юрий подстригал в третью среду каждого октября, — в самый разгар праздника урожая, когда по обочинам дорог в Молдавии высятся горы подгнивших яблок, детвора сшибает почерневшие плоды с ореховых деревьев палками, а опьяневшие винные мошки сотнями гибнут в бочках с киснувшим виноградом под открытым небом. Была такая и у Юрия, — она стояла у ивы, в десяти метрах от его дома.

Эту бочку Юрий справил на те деньги, которые полагались ему за «Книгу коррупции», изданную к пар-

ламентским выборам, четвертым по счету со дня основания Молдавии.

«Книга» содержала фамилии всех политиков страны, напротив которых был напечатан длинный список их злодеяний, преступлений, и прегрешений. Когда Юрия упрекали за то, что его фамилии в книге нет, он, смеясь, говорил:

— А как же фамилия автора?!

Конечно, денег, которые ему дали на выпуск этой книги, хватило бы на сотни бочек. Тогда во дворе дома, — построенного за деньги, выделенные на третьи парламентские выборы, и потому очень просторного — все бочки бы не поместились. Юрий купил одну, — правда, очень большую и хорошую, — а оставшуюся сумму зарыл под ивой, обмотав деньги тряпицей, затем положив их в жестяную коробку, а потом поместив коробку в старом, дедовском еще, кованом сундуке. Правда, зарыл не до конца.

Закапывая сундук ночью, в полнолуние, Юрий смеялся, вспоминая сказку об игле Кошечя:

— Заяц, утка, яйцо, — бормотал он.

— Что ты там делаешь? — встала у порога дома жена, — простоволосая, в ночной рубашке до пят. Юрий любил ее так, что по ночам сыпал жене на волосы сухие цветы, и так много, что по утрам она не могла встать. Тогда он на нее ложился, и оттого детей у них было много, несмотря на то, что и Юрию и жене было всего по тридцать пять лет.

— Дерево сажаю, — сказал он жене первое, что пришло на ум.

— Ночью? Ты сошел с ума? — положила она ему руки на плечи, и через полчаса они смывали в бассейне землю, налипшую на его колени и ее спину.

Сундук так и остался закопанным наполовину. Потом жена положила на него коврик, и на сундук, как на скамейку, сидели гости, и никому в голову не приходило, что там могут быть деньги.

Несмотря на то, что деньги Юрий любил прятать всегда, недостатка в них он не испытывал с детства, когда

жил в большом доме министров СССР (одним из которых был его отец) напротив парка имени Пушкина в самом центре Кишинева. Отец, — видный партийный деятель и убежденный коммунист, — уходил рано, возвращался поздно: о том, сколько стоит хлеб, молоко или мясо, понятия не имел, поэтому оставлял на холодильнике много денег.

Позже, глядя, как мертвый отец давится трупом разрезанной гадалки, Юрий вспоминал почему-то водянистое молоко в стеклянных бутылках на кухне по утрам...

* * *

Как и все грандиозное впоследствии, акции протеста оппозиции начались тихо и как-то даже скромно. Поначалу лишь несколько десятков человек, — самых преданных сторонников партии Юрия, собирали на центральной площади города подписи горожан под обращением «против власти». Подписывались мало: ничто не предвещало десятитысячных митингов, сумасшедших в толпе, многоголосных речевок, исчезновений депутатов и даже столкновений с полицией. Может быть, поэтому, власть и недоценила угрозу. Президенту Воронину, скорее, даже хотелось, чтобы митинги стали многолюднее — ему не терпелось услышать, как премьер-министра будут называть «главной шоколадкой страны».

По утрам Юрий приезжал на площадь в своем «джипе», и тщательно осматривал место грядущей битвы — так врач вглядывается в покраснение на коже больного, угадывая в нем назревающий фурункул. А чтобы нарыв быстрее созрел, некоторые его прогревают. Юрий тоже так сделал: и вот на площади был установлен помост, и с него начали петь многочисленные молдавские артисты, которым до сего дня места нигде не было.

— Лучше быть хулиганом, чем коммунистом, — жалобно пел один из них, придерживая руками шляпу на рано облысевшей голове (дул холодный ветер).

А потом пришли сумасшедшие.

Первый, — Илья, раскатывал по городу на стареньком велосипеде, на руль которого укрепил флаг Румынии. Маленький, в залатанных джинсах и с пустым ртом, — зубы сбежали от него девятнадцать лет назад, — он, тем не менее, широко улыбался и наматывал круги по центральной площади. Никто, кроме Юрия, не знал, что Илья — человек ничто, голем. Юрий сам вылепил его когда-то из глины, и вложил в рот магическую записку, после чего Илья встал и начал делать то, что ему говорят. Поверх записки Юрий положил винограднику, чтобы глиняный человек на велосипеде с румынским флагом никогда не отчаивался от жажды.

Вторая, — безумная женщина лет тридцати, в старом черном платке, постоянно танцевала, как только начиналась песня про «Прут, что разделил румынскую землю». И все вглядывалась в лица прохожих и манифестантов, да так внимательно, что тот, кто взгляда не избежал, застывал, как жена Лота. Тогда танцорша подходила к нему и хорошо отточенным движением вонзала в нос несчастного длинный указательный палец пианистки, и, вытащив часть мозга, тщательно вылизывала его. Оцепенение спадало, и человек шел дальше, недоумевая, отчего это у него закружилась голова только что.

Третья сумасшедшая, — толстая школьница, — сидела под деревом у здания Правительства и вырезала из бумаги силуэты коней. Ей представлялось, что, когда она вырежет сотню тысяч, они облекутся в плоть и унесут ее в страну, где нет ни бумаги, ни ножниц, а есть лишь юноша, который ее полюбит. Юрий эту школьницу приглядел на Заводской,[1] и решил, что ей будет все равно, где вырезать коней. А людям он говорил, что девушка дала обет резать бумагу ножницами до тех пор, пока Румыния не воссоединится.

В общем, сумасшедших набралось немало, и только тогда мистический балаган Юрия, — как он сам про себя называл акции протеста, пошел в гору. Народу на площади стало собираться так много, что они уже останавливали

автобусы, и лишь призывы Юрий не давали им переворачивать машины и громить здания. Юрий чувствовал себя пока еще хорошо, — его голем пока не вырос настолько, чтобы из его рта невозможно было вынуть записку с закливанием. Несколько раз манифестанты пытались прорваться в парламент и правительство. После первых пяти минут стычки Юрий их останавливал. Постепенно страна уснула — ей снился только сон о бессрочном митинге Юрия, — и просыпаться не хотелось даже самым умным.

— У Бразилии есть чемпионат мира, — смеялся Юрий, и продолжал — а у Молдавии есть я и мои беспорядки.

И когда митинги были в самом разгаре, когда Юрий, — сам тому поражаясь, — понял, что он на самом деле мог бы сделать что-нибудь, когда истерия в обществе достигла пика, когда голуби опасались летать над Центральной площадью города, когда Юрий велел манифестантам разбить палатки на этой центральной площади, и объявил ее «зоной, свободной от коммунизма», когда все это случилось, — отец Юрия, пенсионер, долго умиравший от диабета, наконец-то добился своего. И умер. Тогда Юрий понял, что, продолжи он свои бесовские игры в столице, то имидж «христиан-демократа» будет подорван навсегда.

Тогда он решил отца на некоторое время задержать на этом свете.

* * *

Отец перестал быть отцом — на кровати посторонний человек с непривычно бледным лицом, и посиневшими по кромке ногтями. Из петлицы костюма выглядывала роза. Утром Юрий сам воткнул стебель цветка в податливое сердце покойника, после чего неумело зашил порез. Стебель все время заваливался.

— Это потому, что стежки крупные, — упрекнула Юрий жена, вытащила нить и зашила по-новому, легкими, аккуратными стежками.

Грудь отца протерли одеколоном и напялили на покойника костюм с прорезью для цветка. Потом отца тщательно выбрали и протерли лицо лосьоном. Сейчас Юрию казалось, что роза растет.

— Не может быть, пробормотал он, и вышел на кухню. Там, в уголке, на табуретке, покрытой полотенцем, расшитым петухами и солнцем, сидела матушка Мария, молодая еще, крупная женщина.

— Именно так — матУшка, с ударением на «у», — предупредила его жена. — Самая известная целительница Ясс.

Объявления, в которых матушка Мария обещала всем желающим исполнение любой мечты, Юрий и раньше читал в местных газетах. Он тогда еще поражался тому, что на груди целительницы, свесив голову, висел Спаситель. Нет, он, конечно, был распят на кресте, и в этом не изменил своей давней, и, надо сказать, постоянной привычке, — однако же, у всякого, кто взглянул бы на фото Марии-целительницы, складывалось странное впечатление. Казалось, каждая ладонь Иисуса пронзена крупным соском этой сорокалетней пророчицы (буфера что надо, — отметил Юрий), а ноги Спасителя покоятся в ее глубоком пупке. Тогда, глядя на газетное фото целительницы в откровенно прозрачной блузе, с распятием на груди, Юрий вспомнил, что, согласно индийским канонам, в пупок истинно красивой женщины можно влить столовую ложку масла. После этого Юрий всю ночь экспериментировал с женой, но столько масла в ее пупок никак не вливалось. Зато в ту ночь она зачала ему дочь.

Небрежно кивнув матушке, которая, казалось, никакого внимания на него не обратила, углубленная в подсчет зерен своих четок, Юрий прошел на балкон. В горле у него першило, он ухватился за перила руками и глянул вниз.

— Дамы и господа! — беззвучно сказал он, лишь шевеля губами, — братья и сестры. Матушка Мария являет нам собой яркий образчик классического Молдавского Православия. Ибо что есть молдавское правосла-

вие? Оно есть Евангелие, помноженное на тысячу и один языческий обряд, поделенное на нормы так называемой христианской Молдавии (которое к истинному христианству, разумеется, отношения не имеет), с элементами европейского вудуизма. Мы поклоняемся христианскому богу, но при закладке здания в деревнях по-прежнему кладут в раствор живого петуха. Мы истово празднуем Пасху, но придумали себе Родительский день, и наивно кормим мертвецов, оставляя на их надгробиях плошки с рисовой кашей. Тьфу, дерьмо, а я вот не хочу, чтобы на мне, мертвом, закусывали! Мы выпиваем на могилах пьющих стаканчик вина, мы оставляем на могилах курящих зажженные сигареты, которые перед тем за двадцатку освятил священник. Еще мы освящаем мобильные телефоны. Наконец, — и в этом я не побоюсь признаться сейчас вам, потому что вас нет, — мы говорим, что исповедуем православие, но зло и желчно отзываемся о Московском патриархе. Видели ли вы где-нибудь истово верующего католика, который от всей души ненавидит Папу Римского и не скрывает этого? А вот в Молдавии такое возможно... Даже целые деревни православных, что оптом крестятся в баптистской церкви, выезжают за это на две недели в Швецию, получают за это продуктовые наборы, — возвращаются в Молдавию и в лоно православия. Тем более странно, что баптисты — миссионеры, позволяют им это. Впрочем, не забывайте, дамы и господа, что миссионеры уже в Молдавии, они уже тоже — наши баптисты, странные баптисты, как и мы — странные православные...

— Что это ты здесь бормочешь? — на балкон вышла жена. На ответ она не рассчитывала, привыкла.

— Ступай лучше к отцу. Матушка Мария уже там.

— А ты идешь?

— Мне нельзя. Только вы — трое.